

Никита КРИВЦОВ

г. Москва

КАРУИДЗАВА

рассказ

Часто мы, еще вполне сильные и здоровые, но уже прибитые ржавыми гвоздями к распятию своей жизни, пытаемся что-то в себе всколыхнуть — делаем судорожные глотки, обжигающие горло густой пустотой, которую принимаем за целительную влагу.

Доводилось ли вам навещать края, где прежде бывали только в далеком детстве?

Которые помните больше по рассказам родителей и фотографиям в семейном альбоме?

Наверняка...

Пытались ли вы вспомнить там самих себя?

Найти знакомые места? Запахи? Детали?

Просто приметы? Вероятно...

А вернуть обратно годы, содрав с себя «обесчувствовавшую» кожу пережитого?

Едва ли...

* * *

От станции я пошел по главной улице, длинной и довольно безликой. Она была не очень-то и многолюдна, аккуратная, чистая, на некоторых фонарных столбах висе-

ли кашпо с цветами. Кое-где улицу перерезали растяжки с рекламой, местами оставались зеленые лоскутки крошечных газонов, как будто самим фактом своего присутствия они должны были подтвердить прежнюю тишину и покой, но размерами и инородностью вездесущему асфальту и бетону вызывали скорее противоположные чувства.

Где-то здесь продавали мороженое... А на той же стороне был бассейн — туда раньше ходили только европейцы (американцев я тоже, естественно, причисляю к их числу) и токийская знать — крупные буржуа, правительственная элита, даже члены императорской фамилии. Это я тоже знал по рассказам — просто слышал, что бассейн, в котором мы когда-то плавали, был тем самым местом, где нынешний император, а тогда наследный принц, встретил свою будущую жену. Помню, все ее очень жалели — «милая хорошенькая девушка»!

Еще дальше, где уже начинался лес из гигантских криптомерий, от улицы разбежались дорожки, поодаль были и конюшни. От них группы обычно человек по десять, тоже только «европейцев», в невероятно роскошных, как

мне тогда казалось, костюмах, отправлялись верхом в поездки по этим горным лесам. Я их запомнил лишь потому, что прежде никогда не видел таких строго-беззаботных людей. На них были костюмы для верховой езды, поэтому они выглядели строго, но вид был расслабленный и довольный — оттого и беззаботные. Запомнилось, что замыкала одну из таких групп женщина. До того момента я никогда не видел живых наездниц, к тому же не в цирке, а просто в парке, точнее — в лесу.

Выше по тропинке на склоне горы жили и мы. Дорожка, плавно огибая древние внушительные по виду деревья, поднималась по пологому склону — от одного бунгало к другому. Эти старые деревянные «дачи» манили уютom. Нашу окружала большая терраса, присевшая на небольших сваях; второй этаж нависал всей своей тяжестью над первым — как снежная шапка на густых низкорослых кустах в лютую зиму.

Еще выше дорожка миновала старые каменные ворота, на которых всегда грелось множество змей. А дальше она пролегла через все тот же лес криптомерий, хотя хвои от них почти не было на земле. Порой мне думалось, что такие гиганты, даже сбрасывая свои отмершие части, не должны опускаться до уровня простой травы.

Тропинка приводила к бассейнам на гребне горы — мы, дети, называли их «водохранилищами» — а это были какие-то резервуары или отстойники. Вода в них чистая, прозрачная, плавало лишь немного листьев, нанесенных ветром, да еще водомерки. Почему-то их я тоже запомнил. А за «водохранилищем» почти сразу начинался спуск в долину — узкую, зеленую, лесистую, с рекой на самом дне. Долина расширялась по направлению к равнине, и где-то почти у горизонта, все на той же реке виднелся большой город с трубами заводов и дымами...

И над всем этим: над лесом криптомерий, над бунгало, старыми воротами, «водохранилищами» и даже над той дальней долиной, — высилась гора. Вершина вулкана, который то и дело курился, посылая нас, словно дождем, пеплом...

Я шел по Каруидзаве, курортному городку в горах центральной части Хонсю.

Где-то здесь был ресторан или кафе Антипова, русского эмигранта. Мы заходили туда с

родителями выпить квасу. Помню открытую веранду, разноцветные флажки над ней... Помню на самом деле или представляю по фотографиям и обрывкам из кинофильма? Именно обрывкам: у отца была камера, он что-то снимал, в шкафу хранились катушки. Иногда мы смотрели фильм — все реже и реже: после каждого просмотра пленка рвалась чаще. Когда мне было лет тринадцать, я попытался ее склеить, смонтировать из кусочков, но получались какие-то коротенькие фрагменты, в кадре что-то плясало, мельтешило. Правда, может, так и было снято?

Но главное другое — трудно отделить то, что когда-то видел я своими глазами, от того, что видел в этих любительских фильмах или на фотографиях...

И все-таки помнил квас, флажки, самого Антипова — пожилого, любезного, улыбающегося... Да, заглядывали к нему выпить квасу. Кока, пепси были в изобилии, но квас нравился — вкусный, домашний, как в Москве готовила бабушка из черного хлеба — только она делала всегда очень мало, один графинчик, а хотелось много, чтобы упиться...

К Антипову заходили с опаской — помню и сейчас. Русский эмигрант — это почти белоэмигрант, значит, чуть ли не враг. Мои родители вряд ли так к нему относились, но, мне кажется, всегда подразумевали...

Квас, флажки... Если бы я помнил, где все это находилось!.. Да даже если бы помнил, неужто нашел бы сегодня, в этом городке, где, кроме названия, ничего не осталось прежним с тех не столь уж далеких времен? Где тот былой покой, ощущение захолустья, блаженства и умиротворенности курорта из детства?

Навстречу шли в основном молодые японцы и японки. И вполне обычные, «хрестоматийные», но чаще с крашеными золотистыми и рыжими волосами. Девушки — в джинсах на бедрах и с голыми пупками (а оттого еще более кривоногие, даже более кривоногие, чем те, что в мини-юбках), в шортах, легкомысленных платьицах, футболках, топах и курточках...

Редкие европейцы — или американцы? — всегда кивали, и я им отвечал. Все-таки удивительна эта расовая солидарность: мы — белые в этой азиатской стране! И я тоже им улыбался,

кивал в ответ. А вскоре поймал себя на том, что, увидев европейское лицо, первым расплылся в улыбке и беззвучно выговаривал «Hi!».

Я шел не спеша, разглядывая все вокруг. Заранее зная, что это тщетно, пытался найти что-то знакомое, пусть и по фотографиям или домашнему фильму. Антипов, конечно, давно уже умер, и, если у него остался кто-то из наследников, они вряд ли продолжили его дело или смогли удержаться в этом городке, где все подорожало в десятки раз. И какому там квасу было справиться с конкуренцией! И все-таки хоть какая-то примета старой Каруидзавы должна была остаться?

Мое внимание привлекла небольшая витрина не то фотоателье, не то галереи, не то сувенирной лавки. Я уже не раз замечал, что в небольших провинциальных и курортных городках подобные витрины могут таить в себе немало интересного, по крайней мере больше, чем шикарные и гораздо более богатые в столицах.

Здесь в аккуратных, но простых рамках красовались виды старой Каруидзавы. Не такой уж старой — некоторые фото были цветными, невыгоревшими, и именно по цвету можно было судить, что они не из давних времен. Но большинство снимков — черно-белые, а оттого более стильные. Хотя, возможно, эту стильность им придавали простые темно-коричневые деревянные рамки и слегка вержированные паспарту?

Помню, похожие по стилю фотографии украшали холл гостиницы на Оушн-Драйв в Майами-Бич, на самом берегу океана, — маленькой, построенной в стиле ар-деко, где пропеллеры вентиляторов неощутимо для ее обитателей лениво гнали влажный и душный воздух под потолком холла. А на черно-белых фотографиях были только снимки урагана многолетней давности: пронзительно согнувшиеся пальмы, волны, пелена брызг, ощущение напряженно пережитой и оставшейся позади тревоги, а для кого-то — катастрофы.

Здесь же в витрине были маленькие домики с вывесками на японском и английском, вот тот самый бассейн, который я помнил, но его, похоже, уже нет. Или вместо него появился другой, более современный, да и не один? А это, наверное, и есть будущий император, тог-

да принц, со своей невестой, милой «простой» девушкой или... Да кто знает? Если бы я знал их в лицо... Фотографий было довольно много. Ого! Вот Джон Леннон с Йоко Оно. Они тоже бывали здесь в 70-е. Об этом я читал в какой-то биографии. Но кто их снял? Публиковалась ли где-то эта картинка?..

У витрины я задержался надолго, внимательно вглядываясь в выставленные фотографии.

— Hello! — меня кто-то окликнул.

Я огляделся. Приоткрыв входную дверь, на пороге стояла женщина. Миниатюрная, но не маленькая, средних лет и при этом моложавая — хотя не так-то просто бывает на глаз определить возраст японок. Она приветливо улыбалась, и я тоже с улыбкой ответил:

— Hello.

— Заходите, у нас есть еще много других фотографий, — сказала она по-английски. Я стоял в нерешительности, она шире открыла дверь и повторила: — Заходите.

Я было хотел ответить, мол, спасибо, спешу, но вдруг понял, что никуда я в принципе не спешу, особых дел нет, никто меня не ждет, и если и есть какие-то планы в Каруидзаве, то только пройтись по городку и попытаться найти что-то знакомое. Но так как помню я слишком мало, а город — это было ясно сразу — изменился до неузнаваемости, то и отыскать что-то знакомое я мог скорее именно на фотографиях, которые были выставлены в витрине и, видимо, в еще большем количестве внутри. Поэтому после секундного колебания я все-таки ответил:

— Спасибо.

Последнее, что все-таки не остановило меня, было ее «Заходите!», а не «Чем могу помочь?», каким обычно — пусть так же приветливо — встречают клиентов в магазинах. Меня эта фраза, как правило, отпугивает, и я механически отвечаю: «Спасибо, я только смотрю», что подразумевает «оставьте меня, и наше общение на этом окончено».

Я ничего не собирался покупать, да и не знал, продается ли что-то из этой витрины. И фраза «Я только смотрю» была бы более чем уместна. Но японка не произнесла «Чем могу помочь?», а просто пригласила внутрь. И я вошел.

После солнечной улицы мне показалось, что там царил полумрак. Но глаза быстро привык-

ли, я огляделся. Свет проникал только через стеклянную дверь и небольшое боковое окошко, почти полностью закрытое жалюзи. Свет горел лишь над стойкой в углу, а небольшие лампочки («Как в музеях», — подумал я) незаметно сверху подсвечивали фотографии на стенах. В холле стояли несколько кресел, журнальный столик. За стойкой — дверь, которая вела куда-то в глубь дома.

Беглого взгляда было достаточно, чтобы увидеть в дизайне интерьера смешение японского и европейского, неброскую и без претензий продуманность, которую подчеркивала легкая небрежность. Даже не небрежность, а умышленное нежелание доводить все до идеального порядка, рабом которого сам постепенно становишься и который давит на присутствующих.

Меня пригласили посмотреть фотографии, и я не без интереса, но, не скрою, и не без чувства некоторой обязанности подошел к противоположной от входа стене, на которой висели десятки фотографий. При этом я все еще не понимал, что это: галерея, магазин или фотостудия. Хотя стоящая за стойкой тренога и лежащие на прилавке осветительные приборы склоняли меня к мысли о последнем.

Я стал рассматривать фотографии. Вот, видимо, здешний вокзал: платформа, паровоз под парами, а рядом с поездом — какая-то японская семья. Тут же рядом снова вокзал, но уже с современным поездом, из которого выходит беспечного вида группа европейских туристов. Улица города во время праздника — дети в нарядных одеждах, над ними — священные матерчатые карпы, раздуваемые ветром. А вот и склон Асама-Ямы с легким облачком дыма над вершиной. Лес криптомерий, среди которых по дорожке едут всадники. Уже что-то знакомое!

Я остановился у этой фотографии, что-то хмыкнув себе под нос, — ну вроде как знакомо. Отчасти это было сделано и для хозяйки-японки. У меня не пропадало чувство неловкости от того, что она стоит где-то рядом, за спиной, и, скорее всего, наблюдает за мной. Но, главное, я не очень понимал, что это за офис или магазин и чего, собственно, от меня ждут. Над входом была, кажется, какая-то надпись, но я не обратил на нее внимания — когда увидел в витрине старые фотографии,

она мне была еще не интересна, а потом уже входил в дом, так и не успев прочесть.

Так как в первые минуты японка молчала, ощущение неловкости только усиливалось: я все ждал, что она заговорит и я пойму, где я нахожусь и, соответственно, как себя вести дальше.

Фотографии, судя по изображенным на них людям, их одежде, видам города, особенно если на них попадались машины, даже по качеству и технике снимков, охватывали период лет в пятьдесят, если не больше. Так что они вряд ли могли принадлежать (я имею в виду их авторство) кому-то из нынешних владельцев студии. А на вид хозяйке едва ли было больше сорока. Скорее — меньше. Так я думал, глядясь в снимки на стенах, когда женщина все-таки заговорила:

— Интересно? Это только часть нашей коллекции.

— Да, классно. А у вас это что-то вроде музея?

— Нет, у нас здесь фотостудия, а мы с мужем собираем старые виды Каруидзава. Некоторые продаем. Но больше для удовольствия. А вы увлекаетесь фотографией?

— В общем, да. Но... Но... Я просто увидел некоторые старые виды города. Есть, по-моему, редкие снимки. Например, Джон и Йоко... — помолчал, а потом добавил: — Я здесь бывал, только очень давно... Когда был вот таким мальчишкой. Мне было года четыре...

— О-о-о! — по-моему, искренне удивилась и обрадовалась хозяйка.

Такой восторг, только еще и с улыбкой, прикрытой ладошкой, — знакомая мне реакция китайцев и японцев. Не поймешь, что за этим стоит: на самом деле удивление и радость или что-то еще, неведомое и тщательно скрываемое от варвара-европейца и одновременно призванное вызвать расположение и доставить удовольствие. Но у хозяйки было действительно милое и открытое лицо, да и ладошку ко рту она не подносила...

— Многое здесь изменилось, да?

— Думаю, что многое, если не все. Хотя мне трудно сравнивать. Я почти ничего не помню. Отдельные картинки, детали. Вот и стал рассматривать фотографии, чтобы найти что-то знакомое...

— Видите, вам повезло, — еще больше обрадовалась женщина.

— Да, здорово, только вот неудобно отвлекать вас. Вы и так проявили любезность...

— Нет-нет, вы меня совсем не отвлекаете. Я, наоборот, очень рада. Да и мой муж будет рад. Минуточку... — она прошла за стойку, открыла дверь и негромко крикнула: — Десмонд! — а дальше что-то по-японски.

Я перешел к другой стене и там увидел еще одну фотографию Джона и Йоко — на улочке тихого курортного городка в горах Японии они смотрелись как-то обыденно, повседневно и оттого особенно мило, как старые знакомые.

В холл вышел высокий европеец лет сорока пяти — пятидесяти. У него была аккуратная бородка и длинные, но не менее ухоженные волосы с легкой проседью. Во всем его виде чувствовались энергичность и приветливость, а подтянутость сочеталась с легкой небрежностью — то, что я уже отметил в облике комнаты.

— Десмонд, — протянул он мне руку. — А вы уже познакомились? Нет? Моя жена Кьюко.

Был мой черед представиться. Узнав, откуда я, Десмонд поднял брови и удивленно хмыкнул. А Кьюко, недоуменно покачав головой, добавила:

— А я думала, вы из Голландии или Скандинавии. Вы очень хорошо говорите по-английски.

Я же буквально по нескольким фразам понял, что Десмонд — австралиец.

Возникающей обычно после знакомства и рукопожатия паузы, которая предполагает переход на иной уровень общения, не возникло: Десмонд тут же предложил выпить пива.

Я смущенно и с сомнением пожал плечами, хотя на самом деле пиву был бы рад. Но Десмонд уже направился обратно к двери за стойкой и через минуту вернулся с запотевшими банками «Асахи».

Его энергичность не напрягала, а лишь делала общение более легким и снимала скованность. Мы сели в кресла у журнального столика, почти одновременно хрустнули продавливаемые в баночки язычки.

— У вас есть любопытные снимки. Ну, Джон Леннон хотя бы... — первым заговорил я.

— У нас их несколько тысяч. Только небольшая часть вывешена. Остальные в альбомах, а то и просто в коробках, — ответил Десмонд.

— А кто снимал? Вряд ли это все ваши снимки. Кьюко засмеялась, Десмонд улыбнулся:

— Есть, конечно, и наши собственные. Мы оба фотографы. Но большинство — чужие.

— Собираете?

— Да, получилось это довольно случайно, — ответил Десмонд. — Сначала мы жили в Токио, работали для разных журналов, рекламных агентств — неплохо зарабатывали. А тут у Кьюко умер отец, нам достался этот дом. Нам всегда нравилась Каруидзава, вот мы и решили обосноваться здесь. А фотографии... Когда разбирали отцовские вещи, нашли целый ящик со старыми снимками. Некоторые показались интересными, стали узнавать, кто снят, кто снимал, что изображено. Часть из них висит здесь. Что-то поправили на компьютере, сейчас ведь это не проблема, — Десмонд отхлебнул пива.

— Да, вместе с нашей собственной съемкой стала получаться неплохая коллекция, — вступила в разговор Кьюко. — Тогда-то мы и начали собирать фотографии специально — у местных фотографов, в газетах, просто у людей. Стали даже переписываться. Нам многое присылали просто так, что-то мы покупали. Увлеклись...

— И мы подумали, — снова заговорил Десмонд, — было бы гораздо интереснее не только собирать снимки, но и узнать что-то про тех людей, что на них сфотографированы. Это ведь не только Леннон или наследный принц. И та работа оказалась еще более увлекательной, чем сам сбор фотографий.

— У нас теперь все в компьютере, — добавила Кьюко. — И фотографии, и сведения о снятых людях. Такая вот биография людей, связанных с Каруидзавой.

— Потрясающе, — воскликнул я совершенно искренне. — Но это ведь огромная работа!

— Мы устраивали несколько выставок. Но нас это так затащило, что мы стали собирать фотографии уже ради интереса. На жизнь денег нам хватает — зарабатываем. А многого нам и не надо. Так что можем себе позволить вот такое странное хобби, — объяснил Десмонд. — Еще пива?

Я взял новую холодную банку и направился к одному фото:

— А вот это, например, кто?

Австралиец приблизился, и мы вместе пош-

ли вдоль стены. Десмонд объяснял; если не помнил, кто снят на фотографии, говорил, что может пройти в кабинет, посмотреть в компьютере. Я его останавливал — зачем, мол, это просто так, из любопытства.

— Знаете, когда мы жили в Каруидзава, был здесь русский ресторан, владел им некто Антипов. Не помните? Может, есть фотографии? — спросил я.

— Антипов, Антипов... Русский ресторан... Что-то, кажется, было, — стали вспоминать Десмонд и Кьоко.

— Сейчас, сейчас посмотрю, самому интересно, — сказал австралиец и пошел в свой кабинет.

Кьоко заулыбалась:

— Такой коллекции нет больше ни у кого. К нам даже иногда обращаются из разных журналов, издательств. Детей у нас нет: архив — наш любимый ребенок.

— Да, вот, пожалуйста, — с гордостью протянул мне несколько снимков Десмонд. — Это, правда, оригиналы. Мы еще далеко не все успели обработать на компьютере, почистить. Но качество и так вполне приличное.

Точно! Вот эта веранда с флажками, а вот и сам Антипов — в белой рубашке, с бабочкой, на лице — улыбка. Хотя его самого я точно не помнил — лишь в общих чертах, но увидел в том человеке на снимке старого знакомого, и тогда появилось ощущение, что узнал. Странно, почему вдруг запомнил это имя, этот ресторан? Из-за кваса, который в Японии был в диковинку? Из-за того, что ресторан был особый — «белогвардейский» и туда хоть и заглядывали, но с опаской? Или потому, что его владелец с нами, детьми, говорил на родном языке? Все-таки странная вещь — человеческая память!

— А у вас есть еще фотографии того времени, конца 50-х годов? — спросил я.

— Да, и довольно много. Пара коробок, — ответил Десмонд. — Хотите посмотреть?

Хочу ли я? Конечно, да. Но сколько же времени на это нужно! Несколько часов. Неудобно держать людей, да и на обратный поезд надо успеть. Я задумался, не зная, что ответить.

— А знаете что, оставайтесь у нас на ужин, — предложил Десмонд, словно разгадав мои мысли. — Тогда все успеете посмотреть не спеша.

— Спасибо, с удовольствием, но мне надо на поезд в Токио.

— Вас ждут, у вас дела? — подошла к нам Кьоко. — Можете позвонить, сказать, что вы задерживаетесь.

— Да нет, меня никто не ждет. Да и дел в Токио сегодня никаких нет, — честно ответил я.

— Ну и отлично! Тогда у нас и переночуете — есть спальня для гостей, — обрадовался Десмонд. — Здесь русские вообще редкость, а у нас их тем более никогда не было. Мы гостей любим, да, может, и вы найдете среди фотографий что-то интересное. Вот видите, Антипова уже нашли.

— Спасибо. Только вряд ли я что-то еще найду интересное для себя — кроме ресторана Антипова, бассейна да бунгало на склоне горы, я ничего и не помню, — поблагодарил я своих хозяев.

— Ну, вот и вспомните что-то еще, — совсем по-дружески сказала Кьоко.

В мои планы не входило останавливаться на ночь в Каруидзава, но предложение переночевать в доме австралийско-японской пары звучало заманчиво. Я люблю такие экспромты, люблю ночевать в новых домах, тем более что этот был приятным и явно гостеприимным.

— Где ваши вещи? — не дожидаясь моего окончательного согласия, спросила Кьоко.

— Да вот это все, — я кивнул в сторону небольшой сумки-портфеля, которую оставил на полу около кресла.

— Тогда вообще здорово. Вы курите? — спросил Десмонд и, поймав мое «да», предложил выйти во внутренний дворик, выкурить по сигаретке под оставшееся еще пиво, пока Кьоко приготовит комнату.

Дворик был тенистым, маленьким и типично японским. Разговор с Десмондом принял более светский по тематике, но еще более дружеский по форме характер. Мне был явно симпатичен этот австралиец, как, впрочем, и его миленькая жена-японка.

Он поинтересовался, что занесло меня в Японию, а тем более в Каруидзаву. Я рассказал о своей любви к путешествиям, о том, что в этот курортный городок приехал просто из ностальгических чувств — выдался свободный день, вот взял и сел в поезд.

Десмонд попал в Японию почти сразу же после окончания университета, несколько раз возвращался домой, но влюбился в страну, приехал вновь, влюбился в Кьюко, увез ее в Сидней. Но потом оба решили, что в Японии им будет лучше. Он был явно интеллектуал, из поколения поздних хиппи, поэтому, не будучи занудой, оставался романтиком, где-то идеалистом, хотя ко всему — в том числе и к самому себе — относился с долей юмора. Проблема денег, как я понял, его не беспокоила — потому что, видимо, от рождения не испытывал в них недостатка, относился к ним как к чему-то неизбежному, открывающему возможности, но вовсе не являющемуся самоцелью. У них была довольно обеспеченная жизнь, большего ему и не было нужно. Я всегда завидовал таким людям, но, к сожалению, встречал их нечасто.

К Японии Десмонд относился как ко второй родине, но при этом она оставалась для него экзотикой, некой шкатулкой с секретом, а ее олицетворением служила Кьюко. Японию и японцев любил, хотя и допускал в их адрес иронию. Это, правда, ни в коей мере не относилось к Кьюко, которую он просто любил, по-взрослому, серьезно, но нежно.

Проговорили мы довольно долго, выкурив не по одной сигарете. Я кинул сумку в спальню на втором этаже, обставленную в духе довольно дорогого, но стильного минимализма. Все то же сочетание Японии и Европы.

— Ужин будет через час, — сказала Кьюко. — Можете пока принять душ и отдохнуть. Или хотите — пройдите по городу.

В ванную я пошел с большим удовольствием, но отдохнуть мне вовсе не хотелось. И, приняв душ, вышел на еще жаркую боковую улочку, воспользовавшись уже не входом в студию, а калиткой из двора.

Собственно говоря, смотреть мне было нечего. Я убедился, что ничего здесь уже не узнаю, не найду ни веранды с флажками, ни бассейна — того старого, почти пятидесятилетней давности, — новых-то уж точно полно. И шел просто так, чтобы отметить, в надежде лишь, что где-то городок кончится и я увижу лес криптомерий по склонам вулкана и разбегающиеся по нему дорожки. Больше, чем сегодняшняя реальность, меня интересовали те

два обещанных ящика старых фотографий, что ждали в австралийско-японском доме.

На случай, если я заблужусь, Кьюко дала мне визитку: «Desmond & Kyoko McDonald. Photo Studio and Gallery» и адрес.

Ни до какого леса я не дошел — улица с магазинами, кафе, ресторанами и гостиницами тянулась, казалось, бесконечно, и, чтобы к назначенному времени быть к столу, повернул назад.

Стол был японским, вино — австралийское. Я это отметил в своем тосте, обращаясь с благодарностью к хозяевам. Было еще не поздно, и ужинали мы долго. Рассказывали друг другу про свою жизнь, про опыт работы с издателями, но постоянно возвращались к коллекции фотографий семейства Макдональдов.

— Знаете, — говорила Кьюко, — когда я только начинала снимать Каруидзаву и стала делать фотографии здешних домов и улиц, особенно того старого, что еще осталось и что так быстро уходило, я где-то прочитала, что люди, которые побывали в каком-то месте, всегда оставляют там свой след. В воздухе, в обстановке — не знаю где, но где-то он присутствует...

— Ты хочешь сказать, остается некая аура? — перебил ее Десмонд.

— Ну не важно, как это называется, — продолжала Кьюко. — Мне это показалось очень интересным, и я подумала: а почему бы и нет? И вот, представляете, я внимательно стала рассматривать свои снимки и пыталась найти там следы людей из прошлого — ушедших, но когда-то бывавших здесь. Находила какую-то неясную тень и думала: а вдруг это тень какого-то человека, который был на этом месте десять, пятнадцать, пятьдесят лет назад. Представляете?! — она засмеялась. — Смешно, но я тогда почти всерьез так думала, и знаете, как увлеклась! — все еще улыбаясь, говорила Кьюко. — А потом мы занялись своей коллекцией, и эти люди из прошлого вдруг действительно появились на фотографиях. Не на моих, не на Десмонда. Но появились. Странно, да?

— Вообще-то, мог бы получиться интересный коммерческий проект. Что-то совсем новое в искусстве или в истории — как хотите, с какой стороны посмотреть, — положив палочки на мисочку с рисом, заговорил Десмонд. — Нет, вы подумайте, это действительно неожиданно, а

для меня лично просто захватывающе: собрать галерею портретов разных, совершенно случайных людей, которых связывает только одно — они бывали в Каруидзава, они снимались, а их снимки попали к нам. И проследить их судьбы. Что с кем стало. Мы уже многое собрали. Надо просто подумать, как это лучше сделать.

— Да у вас и так удивительная коллекция, — сказал я. — По крайней мере, я нашел в ней столько интересного для себя. Хотя бы Джон Леннон с Йоко Оно. Или вот тот же Антипов, которого я помнил. Может, найду еще что любопытное в вашем досье.

— Какое досье! — фыркнул Десмонд. — Просто подборка. Кстати, пока вы гуляли, я принес обещанные коробки к вам в комнату. Так что, будет желание, на сон грядущий можете посмотреть. Только, извините, прошу не спутать ничего местами. У нас в этом строгий порядок.

— Не то что за столом, — добавила, хмыкнув, Кьюко, показывая на пятно от разлитого соевого соуса рядом с мисочкой Десмонда.

Когда я поднялся к себе в комнату, было чуть за девять. Открыл первую большую коробку, в которой находились другие — пронумерованные и поменьше. Все действительно было очень аккуратно: в коробках лежали фотографии, на каждой наклеена бирочка с номером и годом. Год на всех был один — 1959-й.

Я сел на кровать, не расстилая, и разложил на ней коробки. Некоторые фотографии я откладывал сразу — какие-то совершенно незнакомые, на одно лицо японцы либо пейзажи или виды города, абсолютно ничего не говорившие мне. Когда попадались какие-то уличные сценки, кафе, магазинчики или портреты европейцев, я рассматривал их повнимательнее.

Я сидел так над фотографиями довольно долго, несколько раз уже думал было убрать их с кровати, расстелить постель и лечь спать, когда вдруг снова находил что-то любопытное.

Вот, например, бунгало среди леса на сваях — точь-в-точь как наша дача. Она ли — не она? Я внимательно разглядывал ее, пытаюсь признать. Потом, так ничего и не решив, откладывал в стопку с остальными и перебирал дальше.

Вот те самые ворота в лесу, на которых грелись змеи. Около них стояли люди — тоже какая-то семья, тоже европейская, тоже с детьми.

Или вот пикник — у костра стоят люди, жарят на палочках сосиски. Точно так же делали и мы, когда ходили в гости к нашим друзьям-чехам.

Женщины — в широких ярких платьях по тогдашней моде, дети — в панамках, мужчины — в светлых брюках и клетчатых рубашках.

Вот мальчишка — белобрысый, с хитрой улыбкой, выдающей выпавший зуб, и с ямочкой на щеке. Улица, сзади какая-то витрина — судя по двухцветной спирали в вертикальной стеклянной колбе, парикмахерская. Знакомое лицо. Да-да. Очень знакомое! Сколько этих улыбок на грани с кривлянием, ямочек на щеке, когда-то светлых волос я видел на фотографиях в нашем семейном альбоме! Даже шорты из ткани с рисунком в виде маленьких собачек — я их узнал!

Это же я!

В это трудно было поверить, но это точно был я.

Я вскочил с кровати и хотел было бежать к Десмонду и Кьюко с фотографией, но взглянул на часы: шел уже второй час ночи. Не лучшее время, чтобы делиться своим восторгом по поводу такого небольшого, но дорогого мне открытия в коллекции четы Макдональдов. «Подожду до утра», — подумал я. И, убрав стопки снимков с постели и разложив их аккуратно по коробкам, я потушил свет, оставив не убранной лишь фотографию четырехлетнего мальчишки, которым когда-то был я.

Подобных фотографий было множество в московских семейных альбомах. Но там они смотрелись сами собой разумеющимися и не вызывали интереса — лишь умиление. А здесь, в чужом доме, в чужом городе, снимок, сделанный неизвестно кем, был неожиданным приветом из прошлого. Или, может, наоборот, я оказался гостем из будущего, преодолевшим более четырех десятилетий прошедшего времени?

Я всматривался в лицо улыбающегося мальчишки и пытался увидеть в нем свои сегодняшние черты, увидеть того, в кого превратился он годы спустя. Передо мной был маленький человек, о чем-то мечтавший, чему-то радовавшийся, чего-то желавший, к чему-то устремленный — пусть сам этого тогда он и не ведал. Мог ли он тогда вообразить, что ста-

нет именно таким, каким стал я, — хорошим, плохим, успешным, неудачливым?

«Славный мальчишка», — думал я, глядя на фотографию. Интересно, не пожалел бы он, увидев себя во мне — том самом человеке, которого судьба снова занесла в этот изменившийся до неузнаваемости городок в японских горах и который сейчас сидит на кровати и всматривается в старый снимок?

Я был лишь одним из тех многих призраков, которые пыталась распознать на фотографиях Кьоко. Только я вдруг материализовался, всплыл из небытия... А другие — нет.

Десмонд и Кьоко тактично не будили меня, но я и так проснулся не очень поздно, около девяти. Когда я спустился вниз, они уже ждали меня завтракать.

— Вы знаете, — лишь поздоровавшись, сказал я, — что я нашел? Свою фотографию!

— Не может быть! Потрясающе! — воскликнул Десмонд.

— Мы же говорили, что у нас вы найдете что-нибудь интересное, — тоже обрадовалась Кьоко. — А я и не знала, что у нас в коллекции есть русский.

— Несите, посмотрим, — сказал Десмонд. — Сравним, насколько вы изменились.

Я допил свой кофе и поспешил наверх.

Десмонд и Кьоко внимательно разглядывали

фотографию, смотрели на меня, сравнивали, шутили по поводу отсутствующего зуба и постоянно приговаривали: «Почти не изменился. Только постарел немного». А потом Десмонд встал и пошел в свой кабинет:

— Сейчас посмотрим в компьютере, что сказано об этой фотографии.

Через минут десять он вернулся немного растерянный и, пожимая плечами, сказал:

— У нас, конечно, есть данные не на всех людей, чьи фотографии имеются в коллекции. Но те, что есть, абсолютно верные. Ошибки быть не может. Должен вас разочаровать. Это не вы.

— Как не я? Я точно себя узнал. Да и вы ведь тоже. В конце концов, и возраст совпадает, и эти шорты из ткани «в собачку»...

— Нет. У меня все четко записано. Мальчик, который снят на этой фотографии, умер. Уже много лет назад...

□

Никита КРИВЦОВ

родился в 1955 году.

Окончил Институт стран Азии и Африки

при МГУ им М.В. Ломоносова.

Кандидат исторических наук.

Трэвел-журналист.

Автор более десяти книг и путеводителей, изданных в России и Англии.

Победитель конкурсов среди трэвел-журналистов

(«Лучшая статья о Португалии», 2001 г.,

«Лучшая статья о Норвегии», 2008 г.).

Опубликовал также ряд переводов с английского, в частности несколько рассказов Джона Леннона.

Малую прозу пишет давно.

Рассказы печатались в журналах «Сельская молодежь»,

«Мир Аэрофлота», «Новый берег» и других.

В журнале «Север» публикуется впервые.

